

УДК 343.2

НЕЙМАН И ЕГО ШКОЛА РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (Статья вторая: ДЕРПТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

© 2025 г. С. В. Маликов*, А. И. Чучаев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.02.2025 г.

Аннотация. В первой статье¹ была дана краткая биография И.Е. Неймана — основателя исторической школы русского уголовного права, раскрыты его уголовно-правовые взгляды, приведены краткие биографические данные и характеристика научного наследия его учеников по Императорскому Казанскому университету Н.М. Алехина, Е.П. Манасеина и Е.В. Врангеля. В настоящей статье представлена краткая биография последователя Неймана, яркого представителя исторической школы права, профессора Дерптского университета А.М.Ф. фон Рейца, дана характеристика его исследований по истории уголовного законодательства России древнейших времен, показана роль И.Ф.Г. фон Эверса в организации изучения и преподавания истории русского права, представлены ученики Неймана — барон Р. Унгерн-Штернберг и Ф.Г. Бунге, раскрыто влияние взглядов Неймана на криминалистов других университетов.

Ключевые слова: уголовное право, И.Е. Нейман, историческая школа, Дерптский университет, И.Ф.Г. фон Эверс, А.М.Ф. фон Рейц, барон Р. Унгерн-Штернберг, Ф.Г. Бунге, исследования истории русского права, преподавание истории уголовного права.

Цитирование: Маликов С.В., Чучаев А.И. Нейман и его школа русского уголовного права (Статья вторая: Дерптский университет) // Государство и право. 2025. № 2. С. 154–166.

DOI: 10.31857/S1026945225020155

¹ См.: Маликов С.В., Чучаев А.И. Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет) // Государство и право. 2025. № 1. С. 192–206. DOI: 10.31857/S1026945225010173

NEUMANN AND HIS SCHOOL OF RUSSIAN CRIMINAL LAW (Article two: DORPAT UNIVERSITY)

© 2025 S. V. Malikov*, A. I. Chuchayev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 06.02.2025

Abstract. The first article² gave a brief biography of I.E. Neumann, the founder of the historical school of Russian Criminal Law, revealed his criminal law views, provided brief biographical information and a description of the scientific heritage of his students at the Imperial Kazan University of N.M. Alekhin, E.P. Manasein and E.V. Wrangel. This article presents a brief biography of Neumann's follower, a prominent representative of the historical school of law, Professor A.M.F. von Reutz of Dorpat University, describes his research on the history of Russian Criminal Law from ancient times, shows the role of I.F.G. von Ewers in organizing the study and teaching of Russian law, presents Neumann's students – baron R. Ungern-Sternberg and F.G. Bunge, reveals the influence of Neumann's views on criminologists from other universities.

Key words: Criminal Law, I.E. Neumann, historical school, University of Dorpat, I.F.G. von Ewers, A.M.F. von Reitz, baron R. Ungern-Sternberg, F.G. Bunge, research on the history of Russian law, teaching the history of Criminal Law.

For citation: Malikov, S.V., Chuchayev, A.I. (2025). Neumann and his school of Russian Criminal Law (Article two: Dorpat University) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 154–166.

Как уже отмечалось в статье первой³, Нейман вернулся в Дерптский университет на кафедру лифляндского права в 1818 г., а в 1826 г. возглавил кафедру теоретического и практического русского правоведения, организованную за шесть лет до этого. Кроме собственно преподавания закрепленных за ним учебных дисциплин он создал первый научный кружок из слушателей, заинтересованных в глубоком изучении русского права, вместе с которыми систематизировал нормативные акты прежних времен, готовил комментарии по ним и активно внедрял историко-правовой материал в учебный процесс⁴.

В период работы Неймана в Дерпте действовал Устав учебных заведений, подведомственных

Императорскому Дерптскому университету, утвержденный 4 июня 1820 г.⁵ На этом моменте следует остановиться особо, и вот почему. Устав, во-первых, вводил выборность ректора вуза, деканов факультетов, профессоров и адъюнктов. Во-вторых, он предусматривал, что никто не мог занимать профессорскую кафедру, не имея ученой степени доктора наук, и быть адъюнктом, не имея звания магистра.

Но главное заключалось в том, что Устав 1820 г. (по сравнению с Уставом 1803 г.) существенно изменил распределение учебных курсов по кафедрам, поскольку ранее оно вызывало обоснованные нарекания как со стороны преподавателей, так и студентов⁶.

² See: Malikov, S.V., Chuchayev, A.I. (2025). Neumann and his school of the Russian Criminal Law (Article one: Kazan University) // Gosudarstvo i pravo=State and Law. No. 1. Pp. 192–206. DOI: 10.31857/S1026945225010173

³ См.: Маликов С.В., Чучаев А.И. Указ. соч. С. 192–206.

⁴ «Юридический факультет и ректор признали в 1823 г. эту работу весьма важной не только для занятий студентов и практического значения ее при решении текущих университетских дел, но также “для самого русского права вообще, к обработке которого весьма мало еще способов” и в частности для русской истории и статистики» (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 585).

⁵ См.: Устав учебных заведений подведомственных Дерптскому университету (утв. 4 июня 1820 г.). Dorpat, 1820.

⁶ Например, «соединение в одну кафедру таких разнородных научных дисциплин, как “гражданское и уголовное право римского и немецкого происхождения”, т.е. римского, гражданского, германского и русского уголовного права, должно было неизбежно ставить преподавателей по этой кафедре в полную невозможность надлежащим образом исполнить возложенные на них обязанности. Действительно, в результате такое накопление разнородных областей знания в пределах одной и той же кафедры имело своим последствием то, что германское право не читалось почти вовсе, а преподавание римского права часто должны были брать на себя представители других кафедр. В методе преподавания по этой кафедре трудно отметить самостоятельное отношение к своей задаче: как курсы уголовного права, так и курсы институций

Новый Устав устранил перекос в преподавании различных дисциплин. Так, по Уставу 1803 г. три кафедры университета специализировались на т.н. местном праве: лифляндском провинциальном праве (на нее возлагалось и чтение лекций по практическому правоведению) — эстляндском и финляндском провинциальном праве (Великое Княжество Финляндское до 1812 г. входила в состав Дерптского учебного округа); курляндском провинциальном праве. Перераспределение учебной нагрузки позволило сформировать другие кафедры, в том числе в качестве самостоятельной и уголовного права, она была отделена от кафедры гражданского права. Позже на кафедру уголовного права возлагалось чтение лекций по судопроизводству, истории прав и юридической словесности. В 1842 г. была учреждена вторая кафедра уголовного права, что, разумеется, существенно улучшило подготовку студентов.

В это время Нейман читал лекции по русскому праву и по истории русского права. Надо сказать, что правительство поощряло, а затем Высочайшим повелением от 4 февраля 1889 г. все обучение перевело на русский язык. Причем Министру народного просвещения Российской Империи было предоставлено право «при назначении на... кафедры преподавателей из русских лиц или из лиц, обязавшихся читать лекции на русском языке, назначать содержание таким профессорам вновь учреждаемых кафедр по окладу содержания, получаемых профессорами российских императорских университетов; тем же профессорам, кои будут читать лекции на русском языке по существующим уже в... университете кафедрам, назначить из специальных средств добавочное содержание к штатному»⁷.

Обращение к истории русского права в преподавании общих и специальных юридических дисциплин было обусловлено рядом обстоятельств, в том числе, вероятно, и тем, что Дерптский университет возглавлял в указанный период И.Ф.Г. Эверс — историк, много и плодотворно занимавшийся историей древнего русского права и привлекавший к этому других преподавателей, поддерживавший их начинания.

и истории римского права читаются большей частью применительно к печатным, распространенным в то время руководствам, пандекты же — в порядке титулов Юстиниана. Новый метод изложения, уже выработанный в то время Гуго, разработанный далее Гейзе и принятый Савиньи, еще не находит здесь последовательного применения; замечается колебание между новой и устарелой системой изложения» (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. С. 481).

⁷ Там же. С. 478 (сноска).

Иоганн Филипп Густав фон Эверс

Эверс (нем. *J.Ph.G. von Ewers*), еще будучи домашним наставником в поместье Ваймела (Лифляндия), стал известен своими научными трудами и даже состоял корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. В 1810 г. был принят на кафедру русской истории Дерптского университета на место приглашенного в Кёнигсберг доктора А.Х. Гаспари — первого профессора, читавшего курс русской истории в Дерпте. Прекрасный знаток права, Эверс насыщал свои лекции историко-правовым материалом, «так что с этой стороны он мог называться столько же историком, сколько и историком-юристом»⁸.

Кафедрой русской истории Эверс руководил 10 лет — до 1820 г., момента перевода в другой университет. В 1826 г. вернулся в Дерпт, возглавив кафедру положительного государственного и народного права и политики юридического факультета университета⁹. В это время он исследовал памятники древнего русского права. Историко-юридическое направление ярко проявилось уже в его первой работе из этого цикла — «Предварительные критические исследования для российской истории» (1814)¹⁰. В ней автор в первую очередь изложил свое видение происхождения русского государства как результата жизни восточных славян, которые еще в доваряжский период имели самостоятельные политические объединения, верховных властителей (князей). Вывод Эверса противостоял традиционному для российской историографии представлению о том, что история России начинается единовластием Рюрика, вызвал волну критики и споров среди ученых — как историков, так юристов. Развитие общества, по мнению автора, представляет собой процесс перехода от семьи к роду и далее от племени к государству. Эта концепция оказала влияние на школу русской историографии¹¹.

⁸ Загоскин Н.П. История права русского народа. Т. 1. Введение; Наука истории русского права; Формация народа и государства: лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. С. 86.

⁹ «Как преподаватель права, он стоял вполне на высоте современного ему направления германской юридической науки и почитал в высшей степени существенным исторический элемент в деле изучения правоведения» (см.: там же).

¹⁰ См.: Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории: в 2 кн. / пер. с нем. М., 1825—1826.

¹¹ См. подр.: Исакова Л.В. Густав Эверс и его концепция начальной истории Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2018.

В этой же работе представлено, по сути, первое исследование об источниках Русской Правды¹².

Через два года Эверс публикует монографию «История руссов. Опыт справочников. Первая часть. С древнейших времен до единодержавия Петра Великого»¹³. В ней представлены два относительно самостоятельных блока вопросов: т.н. гражданская история (в том числе торговые связи внутри страны и международная торговля); становление правовой системы Древнерусского государства (анализу подверглись правовые памятники и торговые соглашения).

Основная работа Эверса по истории законодательства — это «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (написана в 1826 г., на русском языке опубликована в 1835 г.¹⁴). В предисловии к книге И. Платонов пишет: «Законодательством, можно сказать, устанавливается История народа, а Историей осуществляется и оправдывается Законодательство. Сие-то взаимное соотношение... служило основанием ученому Эверсу для начертания *Древнейшего Русского Права в историческом его раскрытии*, — произведения, в котором совмещены История и Право России в первоначальном периоде ее существования... Таким образом, на сие произведение надлежит смотреть с двух сторон: со стороны Исторической и со стороны Юридической.

С Юридической стороны, сочинение сие представляет важное критическое обозрение древнейшего периода Российской Истории»¹⁵.

И. Платонов подчеркивает, что Эверс исходил из влияния двух начал: семейственной и государственной жизни, одно из которых вначале ослабевает, а потом исчезает, а другое возрастает и крепнет. Человек, находящийся в таком неопределенном, колеблющемся состоянии этих начал, еще не является истинным гражданином государства. Свыкнувшись с древними обычаями семейственной жизни в течение нескольких веков, он долго остается верен им. Даже вступив в круг государственных отношений, не сразу принимает на себя тяжкий для дикой его свободы ярем правил и форм, необходимо возлагаемый на него

государственной жизнью. Образ мыслей и чувствований, который он переносит с собой, долго руководит его поведением¹⁶.

В литературе отмечается, что древнейшее русское право может быть названо начертанием внутренней истории первого периода российского права и в то же время отнесено к истории науки древнего права вообще. Как опыт внутренней истории, оно заслуживает внимания потому, что юридические правила, которые Эверс извлекает из летописей и так называемых положительных законов, в частности Русской Правды, развиты им из одного начала — семейственного устройства, как уже указывалось, предшествующего государственному устройству. Именно от этого «законное состояние России во время первоначального периода ее образования представляется в стройном, единослыственном виде»¹⁷.

* * *

Оценивая труд ученого, Н.П. Загоскин пишет: «Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться с его историческими воззрениями в этом направлении, но уже само стремление Эверса найти руководящее, исходное начало для своих исследований в области древнего русского права должно быть отмечено как явление новое в русской историко-юридической литературе того времени <...> Как бы то ни было, книга Эверса положила твердое основание систематической разработке истории русского права, и дерптский ученый должен был вызвать подражателей и продолжателей его попытки. Последователь Эверсу нашелся в том же Дерпте, в лице местного профессора А. Рейца»¹⁸.

Александр Магнус Фромгольд фон Рейц¹⁹

Рейц (нем. *A.M.F. von Reutz*) в историю науки уголовного права вошел как преемник (точнее — как последователь) Неймана. Немец по происхождению, родился 28 июля 1799 г. в местечке Рестгоф

¹² См.: Горькова Л.В. Вклад Густава Эверса в изучение истории отечественного законодательства // Приволжский науч. вестник. 2014. № 3 (31). Ч. 2. С. 64.

¹³ Ewers G. Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen. Erste Teil. Dorpat, Berlin, Leipzig, 1816. Граф Н.П. Румянцев в 1816 г. издал на свои средства эту работу и организовал экспедицию в Сурож (современный Судак, Крым) для проверки утверждений Эверса.

¹⁴ См.: Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. и авт. предисл. И. Платонов. СПб., 1835.

¹⁵ Там же. С. VIII, IX.

¹⁶ «Смотря с сей точки зрения — точки правильной, на которую необходимо должен поставять себя испытатель Истории при исследовании первоначального периода всякого государства, автор легко находит основания всем нравственным и гражданским деяниям, имевшим место в политическом мире тогдашней России, и то, что для простого читателя кажется каким-то чудовищным изрождением дикой, буйной природы человека, получает вид естественного, которое непременно должно было произойти по началу, тогда действовавшему» (см.: там же. С. XI).

¹⁷ Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. и авт. предисл. И. Платонов. С. XIII.

¹⁸ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 86, 88.

¹⁹ В ряде источников фамилия ученого приводится как Рейтц или Рейс. Вероятно, это произошло в результате неточной ее транскрипции с немецкого.

Дерптского уезда (ныне — волость Отепя уезда Валгамаа, Эстония). Первоначальное образование получил в родительском имении Гуммельсгоф (ныне — Хуммули волости Хуммули уезда Валгамаа). В 1817 г. после окончания Дерптской гимназии поступил на богословский факультет местного университета. Однако вскоре перевелся на юридический факультет, который закончил в 1821 г. Начиная с 1818 г. под руководством профессора Неймана занимался изучением истории русского права. В январе 1820 г. по предложению научного руководителя факультет ходатайствовал о допуске студента Рейца к преподаванию особенной части уголовного права («под наблюдением факультета и под ближайшим руководством проф. Неймана»). В начале февраля Министр народного просвещения Российской Империи дал согласие на то, «чтобы из объявленных проф. Нейманом в текущем полугодие публичных лекций дозволено было специальную часть российского уголовного права преподавать студенту юридического факультета фон Рейсу (Рейцу. — *Авт.*) под надзором его г. Неймана». После сдачи экзаменов и подготовки кандидатской работы об опеке по русскому праву, утверждения в звании кандидата прав он был принят в штат университета преподавателем русского права²⁰.

До 1824 г. Рейц находился за границей, в одном из старейших немецких вузов — Тюбингенском университете, здесь же получил звание профессора. По возвращении в Дерпт в мае 1825 г. избран экстраординарным профессором кафедры русского права. После ухода Неймана в отставку один вел занятия по русскому праву. В декабре 1829 г. единогласно избран ординарным профессором.

В мае 1831 г. Рейц обратился с ходатайством о предоставлении ему шестимесячного отпуска с выездом за границу для изучения юридических памятников южных славян. Первоначально министр был против командировки ученого, мотивируя это тем, что «славянские литературы в Дерптском университете не изучаются и далеки ему по чуждому языку, а слабое здоровье Рейца не позволит ему заняться этим делом с необходимым усердием»²¹. В конечном счете, боясь потерять единственного преподавателя русского права, удовлетворили его просьбу. Кстати, вопреки предположениям министра результатом поездки стал фундаментальный труд ученого по истории юго-западных славян.

²⁰ Преподавательская деятельность Рейца была прервана на короткий срок в связи с постигшим его несчастьем — смертью жены (урожденной фон Брюммер) в конце 1822 г.

²¹ Цит. по: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. С. 588.

Кроме преподавания Рейц неоднократно исполнял обязанности декана факультета, президента апелляционного и ревизионного суда.

Почти полная утрата голоса не позволяла ему читать лекции, из-за чего он был вынужден в значительной мере заменить «устное преподавание считыванием диктанта». Это означало, что кто-то из студентов читал в аудитории студентам тексты лекций, подготовленные профессором. Узнав об этом, попечитель учебного округа, несмотря на ходатайство совета университета, потребовал уволить его. В феврале 1840 г. Рейца отправили в отставку по болезни.

Пробыв несколько лет на пенсии, профессор вновь вернулся на работу — на этот раз инспектором классов в Училище правоведения, но пробыл там совсем недолго — всего три года²².

Прямо скажем, как ученому Рейцу повезло, его учителями были Эверс — историк, много и успешно занимавшийся историей права, и Нейман — юрист, считавший историю необходимым атрибутом юриспруденции, более того, основоположник исторической школы русского уголовного права. В течение 15 лет (1825—1840) он был первым и единственным профессором Дерптского университета, преподававшим не только «систему, но и историю русского законодательства». В это же время Рейц много времени уделял научным исследованиям, подготовил и издал монографию “*Versuch uber die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung*” (1829)²³, спустя семь лет вышедшую на русском языке в переводе с немецкого профессора Ф.Л. Морошкина²⁴ под названием «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» (1836)²⁵.

²² Умер Рейц 2 июля 1860 г. в родовом имении своей второй супруги (урожденной Марии Николаевны Дириной) Хтины (Ктины) Гдовского уезда. Место погребения не сохранилось.

²³ См.: *Reutz A. von. Versuch uber die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829.*

²⁴ Морошкин Федор Лукич — русский ученый-правовед, представитель историко-философского направления изучения русского права, ординарный профессор Московского университета, действительный статский советник. В 1833 г. защитил магистерскую диссертацию «О постепенном развитии законодательства», после чего возглавил кафедру «права знатнейших древних и новых народов» Московского университета, читал также курсы лекций по русскому и римскому гражданскому праву. В 1835 г. был переведен на кафедру российских гражданских законов. В 1837 г. после защиты диссертации «О владении по началам российского законодательства» удостоен степени доктора права (см.: Федор Лукич Морошкин // Молва. 1857. № 36. С. 409; Чаев Н.А. Отрывки из воспоминаний о Ф.Л. Морошкине // Русское обозрение. М., 1896. Т. 2 (март). С. 391).

²⁵ См.: *Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкин. М., 1836.*

Работа получила высокую оценку специалистов, в первую очередь историков права. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов признавал ее первым опытом «полного и систематического курса истории русского права, написанным под влиянием Эверса»²⁶. Н.П. Загоскин указывал, что труд ученого не утратил «даже... для наших дней... своего значения, а еще сравнительно недалеко то время, когда его книга являлась единственным руководством для систематического ознакомления с нашим допетровским правом»²⁷.

Ф.Л. Морошкин, отмечая актуальность и значимость исследования, в предисловии к работе пишет: «Хотя к... исторической методе призывало само законодательство, и юристам оставалось следовать сему направлению; однакож мы долго не имели Истории Законодательства; в чем нельзя совершенно обвинять и предшественников наших: ибо потребность сего знания чувствуется довольно поздно. Она всегда современна обширному философскому образованию, значительному усовершенствованию догматики, точно так же, как и самое законодательство делается предметом науки не прежде, как по достижении известной степени обширности и глубины...»²⁸.

В этой работе скорее всего сошлись два момента: во-первых, научный интерес самого Рейца. В «предисловии сочинителя» автор отмечает: «Преподаватели в Русских Университетах должны иметь руководство при изложении своей науки, и совершенный недостаток подобных сочинений для учащихся (История Карамзина содержит материалы для истории права, но рассеянные, а другие опыты ограничиваются внешней историей законов; обозрение права, прибавленное Еверсом (Эверсом. — *Авт.*) к его истории, лучшее в этом роде, не могло содержать означения всех отдельных источников права) заставляет меня изготовить опыт несовершенный, но верно не лишний относительно цели его...»²⁹.

Рейц скорее всего сознавал сложность принятой на себя задачи; может быть, поэтому он называет свое исследование лишь «опытом». Но, как подчеркивается в литературе, справился с ней достаточно успешно³⁰. Более того, появление его книги заставило Ф.Л. Морошкина отказаться от мысли подготовить собственную работу по истории русского права. «Рейц, — пишет он, — исчерпал все источники древнего и среднего Русского права; ни один замечательный предмет не избежал его внимания.

Из государственных и частных грамот, до которых наши историки Права почти не касались, он извлек драгоценнейшие известия для внутренней Истории Законодательства. <...> Выбор содержания и формы удовлетворяет современному требованию науки»³¹.

Во-вторых, подготовка работы была обусловлена указанием Министра народного просвещения С.С. Уварова об «усилении исторического элемента» в университетском преподавании юридических наук. Н.П. Загоскин не исключает, что и сам министр находился под влиянием исторической школы права, господствовавшей тогда в Западной Европе. По крайней мере в своем посвящении министру проф. Морошкин мотивирует перевод и издание работы Рейца тем, что Уваров, посещая Московский университет, высказал «требование исторической методы в раскрытии Отечественных Наук...» и лично инструктировал «преподавателей Законоведения в приложении» к ко всем предметам юридического учения»³².

Работа Рейца посвящена в целом истории права. На наш взгляд, представляет интерес данная ученым характеристика уголовно-правовых памятников исходя из предложенной им периодизации истории законодательства, выделив три временных отрезка: 1) от основания государства до первого закона — от половины IX в. до половины XI в.; 2) от образования княжеств до введения монархии — от XI в. до половины XVI в.; 3) от образования монархии до царства Московского и всея России — от 1550 до 1649 г.

Перед характеристикой каждого из указанных этапов автор приводит впечатляющий перечень памятников права, что уже само по себе делает его труд бесценным, в том числе (а может, в первую очередь) для нынешнего исследователя.

В первом периоде уголовное право слито с частным правом, «оны не разделены еще одно от другого. Вся система права сего времени есть: возмездие за причиненную обиду, или вознаграждение за понесенную»³³. Из права защиты, проистекающего из совместного обитания различных родов, появилось право возмездия, или частной мести, которое, как считает Рейц, было известно как славянским племенам, так и руссам. Это право наглядно проявлялось в случае убийства (умышленного или неумышленного — первоначально это одно и то же, поскольку исследуется не умысел, а только дело). Обычай сделал месть обязанностью для родственника, хотя, по свидетельству ряда источников, могла основываться на узах дружбы

²⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 6.

²⁷ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 88.

²⁸ Морошкин Ф. Предисловие // Рейц А. Указ. соч. С. II.

²⁹ Там же. С. XXIII, XXIV.

³⁰ См.: Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 90.

³¹ Морошкин Ф. Указ. соч. С. XIX.

³² Там же. С. I.

³³ Рейц А. Указ. соч. С. 55.

или иных основаниях, например на отношении дружины к князю. В древние времена месть ничем не была ограничена; более того, она поощрялась обществом, даже если нарушались ее границы.

Государство и христианская вера отрицательно относились к обычаю, поэтому Русская Правда ограничила кровную месть некоторыми степенями родства и ввела вознаграждение за обиду на случай отказа от мести.

Рейц допускает существование пени за обиду, которая в первое время была произвольной. Пенья обусловила появление виры, причем вира и месть не могли применяться одновременно. Кто принимал виру, тот отказывался от мщения.

Посягательства на собственность вели к реституции, отсутствие права владения вещью предполагало плату за обиду. В случае насильственного изъятия предмета хищения и при воровстве допускалось самозащитное, вплоть до лишения жизни виновного.

«Таким образом, — делает вывод Рейц, — при нарушении прав личности и собственности все законы основывались на мести, самозащиты и пенях, кои отдавались обиженному в удовлетворение; собственно наказаний... как мер, назначаемых Князем как верховным судьей и законодателем, еще нисколько не видно в законах сего времени; но оные встречаются как факты, вследствие произвола или гнева верховного властителя»³⁴.

Правовая регламентация оспаривания спорных прав была достаточно простой, хотя уже были постановления о виде доказательств, например, при телесных обидах. При этом производство дел первоначально осуществлялось самим тяжущимся. По мнению Рейца, по некоторым делам о преступлениях принимала участие княжеская власть; вероятно, это в первую очередь обуславливалось вирой.

Во втором обозначенном автором периоде уголовное право выделено из частного права, представлено в качестве самостоятельной отрасли. «В законах сего периода, — пишет Рейц, — еще господствовало начало частного удовлетворения, заменившего месть и возмездие древнейшего времени. Система частного удовлетворения введена преимущественно для пользы Князей; ибо главной целью сего правосудия было взимание пеней за нарушение Земского мира, а решение дела и примирение с обиженным, вероятно, представлялось взаимному соглашению обеих сторон»³⁵.

³⁴ Рейц приводит пример, когда в 1076 г. князь собственноручно убил мнимого чудотворца и волшебника, который возбуждал народ против епископа (см.: Рейц А. Указ. соч. С. 62).

³⁵ Там же. С. 179.

Узаконения того времени выделяли два вида убийства: открыто, в ссоре, и скрытно («разбой»). Ответственность за первый из них сводилась к вине в пользу князя, при ее определении учитывалось имущественное положение убитого. За второй вид убийства виновный с женой и детьми выдавался князю, осуждался на изгнание, а дом его предавался разграблению и разорению³⁶.

Побои, раны и обиды считались тяжкими деяниями, стоящими сразу после убийства. В этом случае размер пени сопрягался с опасностью обиды, при его определении учитывалось мнение обиженного. Именно поэтому пеня иногда была равной вине.

Существенное изменение претерпело законодательство, обеспечивающее защиту чужой собственности. Наряду с сохранившимися правилами о возмещении убытков и пенях, появились собственно уголовные наказания: телесные наказания, клеймение преступников и смертная казнь.

По сути, речь идет о древнейших наказаниях, применявшихся в первое время наряду с изгнанием преступника и его семейства, разорением и разграблением имущества. В Новгороде помимо указанных видов применялось утопление в Волхове; в других странах изгнанника морили голодной смертью. «Развитие государства и юридических отношений, — отмечает Рейц, — требовало большего обеспечения против нарушения прав; чего не всегда достигали посредством пеней и удовлетворения убытков. Развивающаяся Монархическая власть мало-помалу превозмогла прежнее отвращение народа к понудительным мерам при наказаниях, и вероятно, Греческое церковное Право и обычаи других государств... открыли путь ко введению уголовных наказаний. Кроме наказаний противусвободных и конфискаций, известны: смертная казнь³⁷, телесные наказания и лишение членов. Особенно строго наказывались публичные преступления, против Монарха, Государства и Церкви, о коих прежде не было упомянуто; но наказания полагались более по решению Верховной власти, нежели на основании законов»³⁸.

³⁶ Как полагает Рейц, ссылаясь при этом на исследование Эверса, кровная месть была изжита еще до 1068 г. сыновьями Ярослава. Но вряд ли можно было отменить обычай, глубоко вкоренившийся в сознание народа и ставший чуть ли не священным. Князь брал назначенную пеню, но едва ли всегда мог предотвратить месть. Поэтому за тайное убийство взыскивалась особо строгая пеня (см.: там же. С. 180).

³⁷ По утверждению Рейца, первая смертная казнь (мечом) была совершена в Москве в 1375 г. в отношении сына тысяцкого, потом в отношении изменников Некомата и Вельяминова (см.: там же. С. 190).

³⁸ Там же. С. 188. Автор полагает, что законные основания уголовно-судебной власти духовенства очень сомнительны. Кроме того, ему не удалось найти доказательства фактического

Кстати, в это время уголовное судопроизводство начинает отделяться от гражданского.

Третий исторический период, выделенный Рейцом, отличался от предыдущих периодов в том числе и массивом правовых актов³⁹. Во-первых, Судебник 1497 г. был заменен Судебником 1550 г., первым в русской истории нормативным правовым актом, провозглашенным единственным источником права. Согласно воле государя Ивана IV «к оному следовало приписывати и будущие постановления»⁴⁰. Во-вторых, принят Стоглав (1551⁴¹), в котором, наряду с религиозно-церковными, государственно-экономическими правоустановлениями, содержится ряд разъяснений о соотношении норм уголовного права с церковным правом.

Институт наказания в Судебнике 1550 г. представлен достаточно схематично. Все его виды определял закон или государь. Помимо уже встречавшихся в прежних актах видов наказания, Судебник предусматривал конфискацию, которая к этому времени стала приобретать более или менее четкие очертания, позволяющие ее отграничивать от «потока» и виры, а также царскую опалу (гнев), «которую, — как пишет Рейц, — труднее определить; вероятно, зависела от произвола Государя, но большей частью состояла в ссылке, для коей избирались Сибирь и пограничные страны Государства (украина)»⁴².

В правовых актах этого времени, по мнению Рейца, наиболее полно были представлены преступления против интересов службы («против должности»). Так, упоминается о взяточничестве судей, дьяков, подъячих, недельщиков, о завышении судебных платежей. Обращает на себя внимание два момента: во-первых, за преступление, совершенное подчиненным, наряду с ним нес ответственность и его начальник. Во-вторых, «судья, отказавший кому-либо в законной помощи, повергался Царской опале»⁴³.

Отдельный блок преступлений составляли подлоги; выделялись подлоги при осуществлении

осуществления им такой власти. Он замечает, что исполнение уголовных наказаний, например, по греческому праву никогда не являлось прерогативой церкви (см.: *Рейц А.* Указ. соч. С. 190).

³⁹ См., напр.: Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы, изданный с Высочайшего соизволения надворным советником Львом Максимовичем. М., 1803.

⁴⁰ См. подр.: Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.

⁴¹ Рейц ставит под сомнение указанную дату принятия Стоглава (см.: *Рейц А.* Указ. соч. С. 230).

⁴² Там же. С. 283.

⁴³ Там же. С. 286.

судопроизводства; подлоги, осуществляемые губными старостами при производстве следствия (наказание предполагало «казнить без милости»). Уголовно-правовое обеспечение правосудия выступало целью противодействия ложным доносам, в том числе и на судью. За ложный донос «подвергался и поверенный или стряпчий, когда, будучи подкуплен, не защищал своего доверителя, и умалчивал о важных обстоятельствах»⁴⁴. За ябедничество (ложное обвинение)⁴⁵ и подделку подписи виновных подвергали смертной казни.

Большая часть узаконений уголовного законодательства относится к преступлениям против собственности, «татьбе и разбою». Уголовные дела об этих деяниях входили в подсудность губных старост. «В некоторых случаях, для определения наказания, кажется, требовалось собственное признание; когда же обвиняемый не признавался, то его заключали в тюрьму на всю жизнь»⁴⁶.

Как было отмечено ранее, работа Рейца была оценена весьма высоко. В то время в литературе обращалось внимание на «ощутительные недостатки» его исследования. Так, по Загоскину, Рейц, являясь — в собственно историческом аспекте — последователем Эверса, с одной стороны, смягчает крайности учения последнего о родовом быте предков, допуская даже для эпохи первоначального образования государства переходную ступень к общественным устоям народной жизни. С другой стороны, неверно оценивает древнерусские вечевые начала жизни, неточно определяет место указанных начал в общем укладе политической жизни и отношениях земщины к княжеской власти⁴⁷.

Историческая школа права в целом исходит из того, что позитивное право производно от права обычного, а последнее произрастает из недр национального духа, глубин народного сознания; право создается не только (и не столько) благодаря законодательствованию, сколько путем самостоятельного развития, через стихийное образование соответствующих норм общения, добровольно принимаемых народом в силу их адекватности обстоятельствам жизни⁴⁸. В связи с этим отмечалось, что «Рейц не разлучен со всеми сочинениями, когда автор пишет историю народа по книгам, не сверяя их с продуктом сей

⁴⁴ Там же. С. 287.

⁴⁵ См. подр.: *Гаврилов С. Н.* Русская правовая ментальность: опыт реконструкции и репрезентации феномена «ябеда» в значении «злоупотребления процессуальными правами» (на материалах российского законодательства XVII–XIX вв.) // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 88.

⁴⁶ *Рейц А.* Указ. соч. С. 333.

⁴⁷ См.: *Загоскин Н. П.* Указ. соч. С. 91.

⁴⁸ См. подр.: История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2004. С. 519, 520.

истории — настоящим его состоянием. Народ не ограничивается одним искусственным бытием; напротив, давно отжившие герои истории живут в позднейших нравах и учреждениях, и народность выражает природу столько же настоящего, сколько и прошедшего времени. Поэтому-то так живо отзывается ум и характер предков в самосознании отдаленного потомства... в сочинении Рейца, поскольку он не житель Московского царства, нет того удара мысли, которое дается живым сознанием народности, живым ощущением старины в настоящих нравах и языке. Для него в истории все имеет вид прошедшего. Он не чувствует потрясения от встреченного средства между читателем и героями минувших лет, и потому... он не имел причины местами останавливаться и, так сказать, наслаждаться сказаниями Московских летописей... Чем ближе к новой истории, тем более видим Наших, слышим в грамотах Московскую речь с ее музыкальным окончанием, нравоучительным припевом, которые и теперь еще отзываются в селах и городах Москов. государства. Для нас понятны умствования и способ выражения толковитых дьяков Московского государства, в которых на каждом шагу слышишь чистую Московскую природу с ее здравым смыслом, с ее непроницаемостью для всего чужеземного, отечеству несродного. Понятен и дух велеречия в грамотах Москов. духовенства... лучшим комментарием на законы сего периода служат нравы, обычаи и юридические пословицы, существующие для нас не только в книгах, но и в жизни Московского народа. Рейц, как и всякий, пишущий на Немецком языке, не мог одушевить летописи живым сознанием Московской правды...»⁴⁹.

* * *

В течение четырех лет (1835—1839) лекции по русскому праву в Дерптском университете читал приват-доцент барон Р. Унгерн-Штернберг.

Барон Рейнгольд Унгерн-Штернберг

Унгерн-Штернберг (*R.B. baron Ungern Sternberg*) родился в 1808 г. в Дерпте. Его отец в течение двух периодов (1802—1812, 1819—1826) был синдиком университета, членом юридического факультета с правом голоса. В течение трех лет (1826—1829) учился на юридическом факультете Дерптского университета, затем два года слушал лекции в Гейдельбергском университете, где и получил степень доктора.

Профессор Рейц обратился в совет юридического факультета университета с ходатайством о разрешении Унгерн-Штернбергу вести занятия «по некоторым отделам» русского права. Факультет посчитал такое возможным при выполнении ряда

условий: 1) он должен подготовить кандидатскую работу; 2) обязан вести преподавание «по тетрадам» профессора Рейца; 3) не будет претендовать на вознаграждение.

Совет университета выставил еще одно требование: в течение первого полугодия 1833 г. Унгерн-Штернберг должен выполнить все положения Устава университета, относящиеся к получению права преподавания. В марте 1833 г. он был удостоен степени кандидата прав.

В течение ряда лет Унгерн-Штернберг читал лекции по трем дисциплинам, в том числе русскому уголовному праву и судопроизводству; по поручению деканата в течение одного года вел занятия по общему уголовному праву.

В 1839 г. уволился из университета, перейдя на работу в земский суд⁵⁰. Занятия вместо него стал вести Э. Тобин, который теперь известен юристической общественности как первый исследователь Русской Правды, как автор работы «Взгляд на основные начала русского уголовного законодательства с древнейших времен до Уложения о наказаниях 1845 года».

Г.С. Фельдштейн пишет: «По-видимому, бесследной для разработки русского права прошла деятельность Унгерн-Штернбергом...»⁵¹.

* * *

Ярким представителем исторической школы права в Дерптском университете был Ф.Г. Бунге. Хотя он и читал лекции по эстляндскому и курляндскому гражданскому праву, тем не менее в определенном смысле его можно считать учеником Неймана.

Фридрих Георг Бунге

Бунге уроженец Киева (1 марта 1802 г.), в 1818 г. закончил Дерптскую гимназию, а в 1822 г. — Дерптский университет. В 1821 г. за сочинение удостоен серебряной медали. В 1822 г., выдержав особый экзамен по русскому языку, по ходатайству профессора В. Первошкова был оставлен в университете для преподавания русского языка. В 1823 г. получил диплом кандидата прав, в 1826 г. — степень доктора права. На юридическом факультете Бунге проработал почти 20 лет, был не только преподавателем, но и занимал ряд административных, в том числе выборных, должностей. «Читая курсы на основании сырых, до него необработанных источников, приготавливая для

⁵⁰ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. С. 590, 591.

⁵¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 353 (сноска).

⁴⁹ Морошкин Ф. Указ. соч. С. XX, XXI.

своих слушателей конспекты и руководства, Б. в то же время готовил свои научные работы и исследования, появлявшиеся вслед затем в печати. <...> Б. успешно справился с историческим обоснованием провинциального права. Начав с истории источников и осветив эту историю научным образом, он затем перешел к систематической и догматической разработке местного права. <...> Он первый поставил изучение, преподавание и изложение... права на надлежащую высоту в резкий противовес своим предшественникам, которые не могли отрешиться от чисто практических задач и казуистического изучения и изложения... права»⁵².

Судьба ученого как преподавателя сложилась неудачно. В 1843 г. он был уволен из университета по предписанию Министра народного просвещения Российской Империи. Причиной послужила его оценка факта подарка (серебряного бокала) студентов ректору Ульману. Бунге не увидел в этом ничего противозаконного.

После увольнения жил в Ревеле, где был синдиком, бюргермейстером, возглавлял городское управление. Но главное — он и здесь занимался исследованиями истории права, опубликовал фундаментальный труд «Введение в историю лифляндского, эстонского и курляндского права и историю источников права», который был удостоен Демидовской награды Академии наук. Как один из лучших знатоков истории права, в 1856 г. был приглашен во II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии для работы по составлению Свода местных гражданских узаконений, где проработал 8 лет. Оставив службу, Бунге продолжил исследования истории права.

Влияние взглядов Неймана на развитие исторической школы уголовного права

Исследования истории права Нейманом и его учениками вообще и уголовного права в частности не могли не сказаться на воззрениях других ученых, обращении к памятникам права в научных трудах и преподавании юридических дисциплин в вузах. Причем следует отметить расширение «поля» собственно исторической школы уголовного права, включившей в свой ландшафт два новых направления — диахронного сравнительного законоведения и философской характеристики уголовного права.

Первым, вероятно, компаративистской составляющей исторической школы уголовного права

⁵² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г. В. Левицкого. С. 561, 562.

стал заниматься барон И. Ф. Беллингсгаузен⁵³ (начинал же он с собственно истории законодательства⁵⁴). В «Предуведомлении от издателя» в издаваемом им «Журнале правоведения» он отмечает: «Не безызвестно, что сверх систематического порядка в предложении разных частей Правоведения, имеются еще и другие способы объяснения оных частей или частных предметов сей науки. Историческо-юридические исследования, свод земских законов с иностранными, судебные казусы, краткие известия о изданных в разных государствах новых уставах или частных узаконениях, объяснительными примечаниями ко всему тому относящимися, суть удобнейшие средства сего рода, для изъяснения оснований и правил теоретической науки и практических познаний Правоведения. Таковых сочинений имеются уже в иностранных Государствах разные собрания; но как в оных для достижения истинной пользы, непременно включать должно и земское право той самой страны, для которой такое собрание юридических начертаний сделано; то один перевод подобных книг не соответствовал бы желаемой цели в нашем отечестве; а выбор из них нескольких материй, общий интерес по юридической части возбуждающих, может у нас тогда токмо полезен, когда он соединяется и с обзорением Российского права по тем же частям»⁵⁵. По сути, автор определил подходы к сравнительно-правовым исследованиям и их значение для исследования законодательства.

В этих целях Беллингсгаузен был предпринят «перевод разных статей Тосканского уголовного устава»⁵⁶ с объяснительными примечаниями и сводом с российскими законами⁵⁷; планировал издание историческо-юридических исследований либо «изложение разных Римских законов и сличение оных с Российскими», «выписок из достопамятнейших старых и новых законов и постановлений, состоявшихся у нынешних Европейских народов, с пояснительными замечаниями и показанием их источников в законах древности» в сопоставлении с «основаниями российского права, относящемуся к тому же предмету»; описание судебных казусов, «извлеченных из лучших

⁵³ Биографические данные И. Ф. Беллингсгаузена даны: *Лудмер Я. И.* Княжеские, графские и баронские фамилии прибалтийских губерний: материалы для родословий. М., 1902. С. 53.

⁵⁴ См., напр.: Историческо-юридические исследования // Журнал правоведения, издаваемый Надворным Советником Бароном Иваном Беллингсгаузенем. СПб., 1812. Ч. 1. С. 1–85.

⁵⁵ Там же. С. I, II.

⁵⁶ Новое уголовное уложение для великого герцогства Тосканы, изданное в 1786 г. герцогом Петром-Леопольдом, представляет собой уголовный кодекс эпохи «просвещенного абсолютизма».

⁵⁷ Журнал правоведения, издаваемый Надворным Советником Бароном Иваном Беллингсгаузенем. Ч. 1. С. 89.

иностранных сочинений... с применением оных к Российским законам»⁵⁸.

В первой половине XIX в. появляются компаративистские работы, охватывающие т.н. славянское законодательство. В частности, опубликованы труды⁵⁹ поляка И.В. Раковицкого⁶⁰. Он впервые, как полагает Загоскин, обосновал славянское происхождение известных русских памятников права (в первую очередь Русской Правды), опираясь на единую религию, обычаи, язык, сопоставляя древние русские законодательные акты как между собой, так и с законодательными актами других славянских государств⁶¹.

Историческая школа уголовного права в целом культивировалась в Виленском университете (ныне — Вильнюсский университет), правда, ее идеи здесь получили жизнь несколько позднее, чем в Дерпте, и под влиянием скорее всего польских ученых. С 1814 г. в университете преподавал И.Н. Данилович — исследователь истории права, перу которого принадлежит ряд работ по истории законодательства и летописания Великого княжества Литовского. Им, в частности, было осуществлено описание всех известных рукописей и печатных экземпляров Литовского статута⁶², опубликована большая статья «Взгляд на литовское законодательство и литовские статуты»⁶³ и др. Составленное им собрание рукописей и выписок из более чем 2500 источников издано посмертно в двух томах (Вильно, 1860—1862)⁶⁴.

С 1821 г. в университете преподавал уголовное право А.С. Коровицкий⁶⁵. Большей частью он писал на польском, в первую очередь известен как автор фундаментального труда по истории русского уголовного процесса «*Process kryminalny Rossyyski*», но, как замечает Г.С. Фельдштейн, «непосредственно содействовал успеху русской науки, приближая

к разрешению вопросы обработки русского положительного права»⁶⁶.

В 1829 г. Коровицкий издал «Историческое обозрение российского гражданского и уголовного права»⁶⁷, в котором проявил себя сторонником историко-догматического направления исторической школы уголовного права.

К середине XIX в. в историческом исследовании уголовного права наряду со школой Неймана и ее представителями из числа западно-славянских криминалистов возникло новое направление, которое, с одной стороны, основывалось на русских традициях исторического исследования права, восходящих к концу XVIII в., а с другой — ее сторонники во многом придерживались воззрений А.Я. Поленова, и в особенности С.Е. Десницкого. Представителями этого направления являются И.Ф. Тимковский и К.Ф. Михаловский. Их научное наследие в силу особой значимости, в том числе и для науки уголовного права в Российской Федерации, требует самостоятельного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 478 (сноска), 481, 561, 562, 585, 588, 590, 591.
2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 6.
3. *Гаврилов С.Н.* Русская правовая ментальность: опыт реконструкции и репрезентации феномена «ябеда» в значении «злоупотребления процессуальными правами» (на материалах российского законодательства XVII—XIX вв.) // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 88.
4. *Горькова Л.В.* Вклад Густава Эверса в изучение истории отечественного законодательства // *Приволжский науч. вестник*. 2014. № 3 (31). Ч. 2. С. 64.
5. Данилович Игнатий Николаевич // *Русский биографический словарь*: в 25 т. СПб., 1905. Т. 6. С. 72—76.
6. *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Т. 1. Введение; Наука истории русского права; Формация народа и государства: лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. С. 86, 88, 90, 91, 100.
7. *Исакова Л.В.* Густав Эверс и его концепция начальной истории Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2018.
8. Историческо-юридические исследования // *Журнал правоведения*, издаваемый Надворным Советником Бароном Иваном Беллингсгаузенем. СПб., 1812. Ч. 1. С. I, II, 1—85, 89, 190, 191.

⁵⁸ Журнал правоведения, издаваемый Надворным Советником Бароном Иваном Беллингсгаузенем. Ч. 1. С. 190, 191.

⁵⁹ Например: О гражданском быте древних славян. Варшава, 1820; Русская Правда или Правда великого князя Ярослава Владимировича, с присоединением договоров Олега и Игоря Киевских с греческими императорами и Мстислава Давидовича Смоленского с Рогою и пр.: в 2 т. Варшава, 1820.

⁶⁰ Биографические данные приведены: *Кадлец К.* Славянский отдел. Библиография истории чешского права // *Юридическая библиография*. 1909. № 1 (11).

⁶¹ См.: *Загоскин Н.П.* Указ. соч. С. 100.

⁶² См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 2.

⁶³ См.: *Юридические записки*, издаваемые Петром Редкиным. М., 1841. Т. 1. С. 1—47.

⁶⁴ См. подр.: Данилович Игнатий Николаевич // *Русский биографический словарь*: в 25 т. СПб., 1905. Т. 6. С. 72—76.

⁶⁵ См. подр.: Коровицкий Александр Сикстович // Там же. СПб., 1905. Т. 8. С. 141, 142.

⁶⁶ *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 356.

⁶⁷ Сын Отечества и Северный архив. СПб., 1829.

9. История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 2004. С. 519, 520.
10. *Кадлец К.* Славянский отдел. Библиография истории чешского права // Юридическая библиография. 1909. № 1 (11).
11. Коровицкий Александр Сикстович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1905. Т. 8. С. 141, 142.
12. *Лудмер Я.И.* Княжеские, графские и баронские фамилии прибалтийских губерний: материалы для родословий. М., 1902. С. 53.
13. *Маликов С.В., Чучаев А.И.* Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет) // Государство и право. 2025. № 1. С. 192–206. DOI: 10.31857/S1026945225010173
14. *Морошкин Ф.* Предисловие // Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкин. М., 1836. С. I, II, XXIII, XXIV, XIX–XXI.
15. Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории: в 2 кн. / пер. с нем. М., 1825–1826.
16. *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкин. М., 1836. С. 55, 62, 179, 180, 188, 190, 230, 283, 286, 287, 333.
17. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 353 (сноска), 356.
18. Федор Лукич Морошкин // Молва. 1857. № 36. С. 409.
19. *Чаев Н.А.* Отрывки из воспоминаний о Ф.Л. Морошкине // Русское обозрение. М., 1896. Т. 2 (март). С. 391.
20. *Эверс И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. и авт. предисл. И. Платонов. СПб., 1835. С. VIII, IX, XI, XIII.
21. Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным. М., 1841. Т. I. С. 1–47.
22. *Ewers G.* Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen. Erste Teil. Dorpat, Berlin, Leipzig, 1816.
23. *Reutz A. von.* Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829.
5. Danilovich Ignaty Nikolaevich // Russian Biographical Dictionary: in 25 vols. St. Petersburg, 1905. Vol. 6. Pp. 72–76 (in Russ.).
6. *Zagoskin N.P.* The history of the law of the Russian people. Vol. 1. Introduction; The science of the history of Russian law; The form of the people and the state: lectures and research on the history of the Russian people rights. Kazan, 1899. Pp. 86, 88, 90, 91, 100 (in Russ.).
7. *Isakova L.V.* Gustav Evers and his concept of the initial history of Russia: abstract ... Candidate of Historical Sciences. Arzamas, 2018 (in Russ.).
8. Historical and legal studies // Journal of Jurisprudence, published by Court Counselor Baron Ivan Bellingshausen. St. Petersburg, 1812. Part 1. Pp. I, II, 1–85, 89, 190, 191 (in Russ.).
9. History of political and legal doctrines / under the general ed. of V.S. Nersesyants. M., 2004. Pp. 519, 520 (in Russ.).
10. *Kadlets K.* Slavic department. Bibliography of the history of Czech law // Legal Bibliography. 1909. No. 1 (11) (in Russ.).
11. Korovitsky Alexander Sikstovich // Russian biographical dictionary: in 25 vols. St. Petersburg, 1905. Vol. 8. Pp. 141, 142 (in Russ.).
12. *Ludmer Ya. I.* Princely, count and baron surnames of the Baltic provinces: materials for translations. M., 1902. P. 53 (in Russ.).
13. *Malikov S.V., Chuchayev A.I.* Neumann and his school of the Russian Criminal Law (Article one: Kazan University) // State and Law. 2025. No. 1. Pp. 192–206. DOI: 10.31857/S1026945225010173 (in Russ.).
14. *Moroshkin F.* Preface // Reutz A. The experience of the history of Russian state and civil laws / transl. from German by F. Moroshkin. M., 1836. Pp. I, II, XXIII, XXIV, XIX–XXI (in Russ.).
15. Preliminary critical studies of Gustav Ewers for Russian history: in 2 books / transl. from German. M., 1825–1826 (in Russ.).
16. *Reutz A.* The experience of the history of Russian state and civil laws / transl. from German by F. Moroshkin. M., 1836. Pp. 55, 62, 179, 180, 188, 190, 230, 283, 286, 287, 333 (in Russ.).
17. *Feldshtein G.S.* The main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia. M., 2003. Pp. 353 (footnote), 356 (in Russ.).
18. Fyodor Lukich Moroshkin // Molva. 1857. No. 36. P. 409 (in Russ.).
19. *Chaev N.A.* Excerpts from memoirs of F.L. Moroshkin // Russian Review. M., 1896. Vol. 2 (March). P. 391 (in Russ.).
20. *Ewers I.F.G.* The most ancient Russian law in its historical disclosure and author's preface by I. Platonov. St. Petersburg, 1835. Pp. VIII, IX, XI, XIII (in Russ.).
21. Legal notes edited by Peter Redkin. M., 1841. Vol. 1. Pp. 1–47 (in Russ.).
22. *Ewers G.* Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen. Erste Teil. Dorpat, Berlin, Leipzig, 1816.
23. *Reutz A. von.* Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829.

REFERENCES

1. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yurievsky, former Dorpat University for one hundred years of its existence (1802–1902): in 2 vols. Vol. 1 / ed. by G.V. Levitsky. Yuriev, 1902. Pp. 478 (footnote), 481, 561, 562, 585, 588, 590, 591 (in Russ.).
2. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the History of Russian law. Kiev, 1915. P. 6 (in Russ.).
3. *Gavrilov S.N.* Russian legal mentality: the experience of reconstruction and representation of the phenomenon of “crime” in the meaning of “abuse of procedural rights” (based on the materials of Russian legislation of the XVII–XIX centuries) // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 4 (173). P. 88 (in Russ.).
4. *Gorkova L.V.* Gustav Ewers' contribution to the study of the history of Russian legislation // Volga Scientific Journal the messenger. 2014. No. 3 (31). Part 2. P. 64 (in Russ.).
5. Danilovich Ignaty Nikolaevich // Russian Biographical Dictionary: in 25 vols. St. Petersburg, 1905. Vol. 6. Pp. 72–76 (in Russ.).
6. *Zagoskin N.P.* The history of the law of the Russian people. Vol. 1. Introduction; The science of the history of Russian law; The form of the people and the state: lectures and research on the history of the Russian people rights. Kazan, 1899. Pp. 86, 88, 90, 91, 100 (in Russ.).
7. *Isakova L.V.* Gustav Evers and his concept of the initial history of Russia: abstract ... Candidate of Historical Sciences. Arzamas, 2018 (in Russ.).
8. Historical and legal studies // Journal of Jurisprudence, published by Court Counselor Baron Ivan Bellingshausen. St. Petersburg, 1812. Part 1. Pp. I, II, 1–85, 89, 190, 191 (in Russ.).
9. History of political and legal doctrines / under the general ed. of V.S. Nersesyants. M., 2004. Pp. 519, 520 (in Russ.).
10. *Kadlets K.* Slavic department. Bibliography of the history of Czech law // Legal Bibliography. 1909. No. 1 (11) (in Russ.).
11. Korovitsky Alexander Sikstovich // Russian biographical dictionary: in 25 vols. St. Petersburg, 1905. Vol. 8. Pp. 141, 142 (in Russ.).
12. *Ludmer Ya. I.* Princely, count and baron surnames of the Baltic provinces: materials for translations. M., 1902. P. 53 (in Russ.).
13. *Malikov S.V., Chuchayev A.I.* Neumann and his school of the Russian Criminal Law (Article one: Kazan University) // State and Law. 2025. No. 1. Pp. 192–206. DOI: 10.31857/S1026945225010173 (in Russ.).
14. *Moroshkin F.* Preface // Reutz A. The experience of the history of Russian state and civil laws / transl. from German by F. Moroshkin. M., 1836. Pp. I, II, XXIII, XXIV, XIX–XXI (in Russ.).
15. Preliminary critical studies of Gustav Ewers for Russian history: in 2 books / transl. from German. M., 1825–1826 (in Russ.).
16. *Reutz A.* The experience of the history of Russian state and civil laws / transl. from German by F. Moroshkin. M., 1836. Pp. 55, 62, 179, 180, 188, 190, 230, 283, 286, 287, 333 (in Russ.).
17. *Feldshtein G.S.* The main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia. M., 2003. Pp. 353 (footnote), 356 (in Russ.).
18. Fyodor Lukich Moroshkin // Molva. 1857. No. 36. P. 409 (in Russ.).
19. *Chaev N.A.* Excerpts from memoirs of F.L. Moroshkin // Russian Review. M., 1896. Vol. 2 (March). P. 391 (in Russ.).
20. *Ewers I.F.G.* The most ancient Russian law in its historical disclosure and author's preface by I. Platonov. St. Petersburg, 1835. Pp. VIII, IX, XI, XIII (in Russ.).
21. Legal notes edited by Peter Redkin. M., 1841. Vol. 1. Pp. 1–47 (in Russ.).
22. *Ewers G.* Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen. Erste Teil. Dorpat, Berlin, Leipzig, 1816.
23. *Reutz A. von.* Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829.

Сведения об авторах

МАЛИКОВ Сергей Владимирович —
доктор юридических наук,
заместитель директора Института государства
и права по научной работе
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MALIKOV Sergey V. —
Doctor of Law,
Deputy Director of the Institute of State
and Law for Scientific Work
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHAEV Aleksandr I. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia